

А. Ф. ЧЕРВЯКОВ

СТАВРОТЕКА XII ВЕКА
ИЗ АРХАНГЕЛЬСКОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ *

На реставрацию в Государственную центральную художественную научно-реставрационную мастерскую им. акад. И. Э. Грабаря поступила ставроотека, считавшаяся изделием византийских мастеров XII в.¹

Ставроотека представляет собой деревянный ящичек-ковчезец размером 99×81 мм с углублением в форме четырехконечного креста и выдвинутой крышкой. Углубление заполнено частицами кипарисного креста. Крышка, поля и дно ковчезца украшены листами позолоченного серебра с чеканным орнаментом и изображениями. На лицевой стороне выдвинутой крышки вычеканено изображение в рост св. Климента. Святой представлен в священническом одеянии с книгой в левой руке, правая рука застыла в благословляющем жесте. Вокруг головы нимб, окаймленный кольцеобразным жгутиком. С левой стороны столбцом сверху вниз дана надпись: «ΑΓΝΟΣΪ», справа: «ΚΛΙΟΥΜΕΝΪΤΪ ΙΪ». По бокам и подножию пластинка обрамлена двумя рядами кольцеобразного жгутика с рядом повторяющихся бусинок между ними. Над головой Климента более выпукло на специально прибитой планке укреплен пластина с орнаментом, так называемым «побежком», состоящим из петлеобразно выходящих на стебле листьев. В изгибах петель размещены листки трилистника, прикрытые в раструбе выходящими из стебля удлиненными листьями. Орнамент с двух сторон обрамлен спиралеобразным жгутиком, так называемой «сканной веревочкой». На скосе пластинки укреплены остатки пояса из повторяющихся пальметок, ограниченных сверху полоской кольцеобразного жгутика.

На дно ковчезца положена (некогда цельная) пластинка с вырезом для четырехконечного креста, обрамленного по краю кольцеобразным жгутиком. По сторонам крестообразного выреза стоят обращенные к кресту, Константин и Елена; вверху — полуфигуры ангелов (возможно, архангелов) с молитвенно поднятыми руками и головами, склоненными к кресту. Константин и Елена изображены в традиционных императорских одеждах, с коронами на голове. Нимбы вокруг голов четырех фигур обведены

* В журнале «Декоративное искусство СССР», № 8 за 1970 г. напечатана статья об Архангельской ставроотеке (В. П. «Ставроотека домонгольского времени»). Ход рассуждений и выводы этой статьи совпадают с публикуемым здесь исследованием.

В связи с этим редколлегия «Византийского временника» считает необходимым указать, что статья А. Ф. Червякова была получена редколлегией в ноябре 1967 г. и ее выход в свет задержался по не зависящим от автора причинам. — *Ред.*

¹ Принадлежит Архангельскому областному краеведческому музею (инв. № 148), обнаружена и вывезена на реставрацию заслуженным деятелем искусств Н. Н. Померанцевым.

сплошной линией и непрерывной цепочкой из точек. Слева от Константина надпись, начинающаяся столбцом от головы, продолжающаяся с другой стороны торса, у подножия креста и кончающаяся слева от Елены: «АГИОСЪ КОСТАНТИНЪ». Справа от Елены — надпись столбцом: «. . . ГНОСЪ НЕЛЕНА»². Справа от левого ангела видна буква «Х», справа от правого ангела — «Г». Над вершиной креста: «ΙC ΧC». Вся пластинка по краям обрамлена кольцеобразным жгутиком.

На полях ковчежца набиты пластинки, орнамент которых повторяет узорчатый мотив выпуклой пластинки на крышке. Когда крышка закрыта, поля ковчежца совпадают с выпуклой пластиной, образуя орнаментальную рамку для фигуры Климента.

На обороте ковчежца непосредственно по дереву рисован тушью четырехконечный крест и надпись: «ΙC ΧC НИКА». Внизу между двумя линейными чертами дана надпись: «Ο ΝΥΤΡΉ ΚΡΤΉ Ι ΟΡΑΪΥ ΙΡΉ ΚΟΝΣΤΑΝΤΙΝΙ ΕΛΕΝΑ». Ниже с трудом просматривается выскобленная надпись.

Сверху ковчежца прибита толстая пластина золоченого серебра, служащая запором для крышки. Здесь же ввинчено небольшое железное кольцо.

Ставротека дошла до нас со значительными утратами. Отсутствует большой кусок пластины с крышки³. Почти полностью недостает правой фигуры ангела и большей части пластины со дна ковчежца. Позднее вся эта пластина была положена на плотный слой воско-канифольной мастики. Это обстоятельство сыграло положительную роль, так как некоторые утраченные детали орнамента, части одежды и буквы отпечатались на мастике. Эти отпечатки помогают представить не только полный облик всей композиции памятника, но и разобрать отдельные утраченные детали, а главное — полностью прочитать надписи. К сожалению, некоторые чеканные детали утрачены вместе со слоем мастики: правая фигура ангела, подножие креста.

Ковчежцы разных форм с частицами так называемого «животворящего креста» встречаются во многих странах христианского мира. Культ «животворящего креста» возник в Византии в IV в. и в последующие столетия достиг наивысшего расцвета. Для утверждения православия, укрепления могущества самодержавной власти и духовенства византийские правители сосредоточивали во дворце, главнейших храмах и монастырях различные реликвии, вокруг которых специально создавались полные пышности обряды и торжества⁴.

Обладая большими возможностями, двор и церковь заказывали для хранения реликвий богато украшенные хранилища — реликварии⁵. Считается, что наиболее распространенным видом византийских реликвариев для хранения частиц «животворящего креста» были ставротеки⁶. Большинство из них теперь известно только по описаниям⁷. По некоторым сохранившимся ставротекам можно судить о высоком искусстве византийских мастеров, создававших подлинные шедевры декоративно-прикладного жанра. Такова, например, знаменитая Лимбургская ставротека X в.⁸

² Часть басмы с буквой «А» утрачена.

³ Вместе с фрагментом утрачена буква «Б».

⁴ *Jean Ebersolt. Sanctuaires de Byzance. Recherches sur les anciens trésors des églises de Constantinople. Paris, 1921, p. 7, 24—26; A. Frolov. La relique de la vraie croix. Recherches sur le développement d'un culte. Paris, 1961, p. 74—79.*

⁵ *J. Ebersolt. Op. cit., p. 109—110.*

⁶ *Ibid., p. 124; A. В. Банк. Византийские серебряные изделия XI—XII вв. в собрании Эрмитажа. — ВВ, XIV, 1958, стр. 236.*

⁷ *A. Frolov. Op. cit., p. 153—661.*

⁸ *A. В. Банк. Указ. соч., стр. 236, рис. 11; Н. П. Кондаков. История и памятники византийской эмали. СПб., 1892, стр. 198—204, рис. 39.*

Большой интерес вызывают византийские ставротеки, сохранившиеся в Москве, Ленинграде, Грузии ⁹.

Эта отрасль прикладного искусства Византии, известная далеко за пределами империи, не могла не оказать влияния на изделия подобного рода в других странах, в частности на территории Древней Руси. Под влиянием византийских ставротек создан и рассматриваемый нами реликварий. Памятник этот, несомненно, русского происхождения. Это подтверждается прежде всего надписями с начертаниями, характерными для древнерусского алфавита. Все слова с твердым окончанием завершаются буквой «ъ». Греческое слово «ОАГИОС» здесь передано как «АГНОСЪ». Этим же словом именуется и Елена, хотя по-гречески в женском роде оно звучит как «НАГИА». Черты местного диалекта, а может быть и своеобразного представления автора об орфографии, видны в начертании слов «КЛОУМЕНЪТЪ» и «КОСТАНТНЪ». Интересна такая деталь: поставив после «АГНОСЪ КЛОУМЕНЪТЪ» букву «І», автор как бы старается показать свою «книжность», ибо фразы в рукописных книгах того времени нередко завершались подобным образом.

В декоративном убранстве ставротеки видны черты, присущие произведениям русского прикладного искусства и отличающие последние от византийских прототипов. По сравнению с резковатой, графичной, несколько сухой манерой прорисовки орнамента и изображений на предметах византийского происхождения чеканные мотивы нашей ставротеки отличаются более мягким рисунком, плавностью линий, образной выразительностью изображенных лиц.

При рассмотрении ставротеки бросается в глаза разновременность ее деталей. Наиболее ранними можно считать основные ее части: вложенная в ковчежец пластина с четырьмя изображениями и крещатым проемом, а также пластина на крышке с изображением св. Климента. Об их раннем происхождении свидетельствуют хотя бы такие детали, как открытая корона на голове Константина, торакион с шестиконечным крестом на одежде Елены ¹⁰. Фигура ангела напоминает подобные изображения на известных византийских ставротеках XII в. из Эрмитажа, Урбино ¹¹, монастыря Килика и Улиты в Сванетии ¹². Орнаментальный пояс на одежде Константина имеет аналогии на византийских и русских памятниках XI—XII вв. (например, сканный узор оклада евангелия XI в. из Миланской соборной ризницы ¹³, шитый узор XII в. на сводах арок с поручей Варлаама Хутынского ¹⁴). Кольцеобразный поясок-жгутик, обрамляющий пластины, — также свидетельство древнего происхождения памятника. Этот орнаментальный прием имитирует применявшееся в древности украшение в виде припаянного к металлической основе стерженька с кольцеобразно намотанной на него тонкой проволокой. Это обрамление из двух рядов подобного жгутика с бусинками между ними имеется на Гильдесгеймском кресте XII в. ¹⁵

Общая манера письма и приемы начертания отдельных букв в надписях к изображению ставротеки характерны для Руси XII в. ¹⁶ К этому же

⁹ А. В. Банк. Указ. соч., стр. 234—241.

¹⁰ А. В. Банк (указ. соч., стр. 239) приводит сведения о том, что торакион (кусочек ткани в форме щита с изображением шестиконечного креста) на одежде Елены встречается в основном на памятниках, относящихся к 40—90-м годам XII в.

¹¹ А. В. Банк. Указ. соч., стр. 236, рис. 1, 8.

¹² П. С. Уварова. Поездка в Пшавию, Хевсуретию и Сванетию. — «Материалы по археологии Кавказа», вып. X, 1904, табл. XXVI—XXVII.

¹³ Н. П. Кондаков. Указ. соч., рис. 57.

¹⁴ Л. И. Якунина. Русское шитье жемчугом. М., 1955, рис. 13.

¹⁵ И. А. Шляпкин. Русский крест XII века в г. Гильдесгейме. — «Вестник археологии и истории», вып. XXII, 1914, стр. 36 и табл.

¹⁶ Палеографическое определение М. В. Щепкиной и В. С. Гольшевой.

времени относятся и два маленьких фрагмента орнаментального пояска из пальметок и кольцеобразной веревочки, прикрепленные на скосе поля над головой Климента.

Несколько более архаично по сравнению с другими деталями ставротeki выглядят диспропорционально приземистые фигуры Константина и Елены, хотя надписи рядом с ними свидетельствуют о принадлежности этой пластины к XII в. Предположительно это можно объяснить заданными размерами и формой старого ковчежца, а также и тем, что в изображении Константина и Елены автор следовал каким-то более древним образцам, чем при создании образа св. Климента. Достаточно вспомнить ранние произведения византийских эмалей и глиптики¹⁷. Таким образом, основные фрагменты ставротeki принадлежат к XII в.

В настоящем виде памятник возник значительно позднее. В это время была заново создана вся деревянная часть ставротeki, орнаментальные пластины полей и пластина-запор. Поздний мастер при обновлении памятника, стремясь сохранить его особенности, следовал древним византийским образцам. Не только сохранена наиболее распространенная форма византийских ставротек, но и за основу украшения заново созданных полей ковчежца взят традиционный орнамент, встречающийся на византийских изделиях прикладного искусства XI—XII вв. Таков, например, узор верхнего пояса саркофага из церкви св. Аполлинария в Равенне¹⁸. Тот же мотив прослеживается на византийском кресте XII в. из Оньи¹⁹, на кресте XII в. из церкви Спаса в сел. Мацхвариши в Сванетии²⁰, в орнаменте, обрамляющем фигуру танцовщицы на так называемой «короне Константина Мономаха»²¹, на ларце XI—XII вв. из Эрмитажа²².

Следуя византийским образцам далекой для него эпохи, автор разрешил орнаментальное обрамление в духе близких ему приемов и веяний своего времени. Известный специалист по художественным изделиям из металла М. М. Постникова считает этот образец редчайшим, так как ни в XVI, ни в XVII в. подобный орнамент в русских произведениях из драгоценных металлов не встречается. Возможно, это объясняется тем, что автор создавал данный орнамент применительно только к одному изделию и следовал определенным древним византийским образцам. Судя по стилю и манере исполнения, орнамент создан не позднее конца XVI—начала XVII в.²³ Надпись на обороте ковчежца как бы подтверждает это. М. В. Щепкина относит ее к первой половине XVII в.

Совершенно неизвестно место изготовления ставротeki и дальнейшее ее бытование²⁴. Но целый ряд обстоятельств позволяет отнести ее древние части к произведениям новгородских мастеров XII в.

¹⁷ Например, камеи с изображениями Богоматери и Христа из Эрмитажа (А. В. Банк. Несколько византийских камей из собрания Эрмитажа. — ВВ, XVI, 1959, стр. 208, рис. 1—2), образец «Распятие» из Оружейной Палаты (Л. В. Писарская. Памятники византийского искусства V—XV веков в Государственной Оружейной Палате. М.—Л., 1965, стр. 19, табл. XXVI).

¹⁸ О. М. Dalton. Byzantine art and archeology. Oxford, 1911, p. 141.

¹⁹ А. С. Уваров. Сборник мелких трудов. Издан ко дню 25-летия со дня кончины под ред. П. С. Уваровой, т. 1. М., 1910, табл. LX.

²⁰ П. С. Уварова. Указ. соч., табл. XXV.

²¹ Н. П. Кондаков. Указ. соч., стр. 231, рис. 75.

²² А. В. Банк. Византийское искусство в собраниях Советского Союза. М.—Л., 1966, рис. 138.

²³ По своему строю очень близко к разбираемому орнаменту узорчатое обрамление XVI—XVII вв. на стеатитовой иконке «Праздники» из Оружейной Палаты (А. В. Писарская. Указ. соч., табл. XLIV).

²⁴ В учетных документах Архангельского музея нет сведений о времени и источнике поступления ставротeki в его хранилище. Это случилось примерно в 30-х годах XX вв.

Известно, что Новгород Великий не только занимал большое место в художественной культуре Древней Руси, но и был одним из крупнейших ремесленных центров Европы. Не случайно иноземцы с восторгом отзывались о Новгороде конца XI в., отмечая, что с ним «только Рим мог сравниться в веках своими творениями»²⁵.

В XI—XII вв. из новгородских мастерских вышли такие замечательные произведения прикладного искусства, как очелье княгини Анны-Ингигерды (XI в.)²⁶, поручи Владимира Ярославича (XI в.)²⁷ и Варлаама Хутынского (1196 г.)²⁸, большой серебряный сион и знаменитые кратиры Косты и Братилы (XI—XII вв.)²⁹.

Не случайно Б. А. Рыбаков высказал предположение, что в древнем Новгороде существовал институт «шедевров», изготовлявшихся на звание мастера, — настолько высоки там были требования, предъявлявшиеся ремесленникам, в частности работающим по благородным металлам³⁰.

В XI—XII вв. в Новгороде изготовлялись превосходные изделия прикладного искусства, связанные с почитанием частиц «животворящего креста». Таков, например, воздвизальный крест и крест-реликварий, приписываемые Антонию Римлянину³¹, крест-реликварий из Гильдесгеймского собора³². К их числу относится и Архангельская ставро-тека.

Изображения ставротеки очень близки целому ряду новгородских памятников. Так, фигуры Константина и Елены имеют аналогию во фреске XII в. из новгородского Софийского собора с тем же изображением³³. Общность видна не только в позе Константина и Елены, обращенных к кресту, но и в близких изобразительных приемах. Образы ставротеки со знаменитой фреской роднит монументальность, суровая экспрессивность, скульптурная выразительность — черты, присущие изобразительному искусству Новгорода того времени³⁴. Особенно близко изображению фрески лицо Константина. Лишенное византийских черт, оно почти стереотипно лицу императора с фрески, а также изображению князя на на фреске из Мартирьевской паперти того же собора³⁵.

Лик левого ангела со ставротеки имеет большое сходство с ангелами, изображенными на фреске «Страшный суд» из церкви Спаса Нередицы (1199 г.)³⁶.

Несмотря на деформацию лика св. Климента и утрату нижней части его бороды, это изображение позволяет проследить ряд аналогий на новгородских памятниках. Такова голова святителя с фрески Богородице

²⁵ «Admiranda fuit multis Novogradia saeculis, cui Roma suas aequiparavit opes» (Joh. Aug. Werdenhagen. De Rebus publicis Hanseaticis, pars VI, cap. 18, in: *Ch. de Linnas*. Les origines de l'orfèvrerie cloisonnée, v. II. Paris, 1887, p. 437).

²⁶ «VI выставка произведений изобразительного искусства, реставрированных Государственной центральной художественной научно-реставрационной мастерской им. академика И. Э. Грабаря». Каталог. М., 1969, стр. 121, 129.

²⁷ Там же, стр. 121, 130 и илл.

²⁸ Л. И. Якунина. Указ. соч., стр. 35, рис. 13.

²⁹ В. Н. Лазарев. Искусство Новгорода. М.—Л., 1940, табл. 38—39.

³⁰ Б. А. Рыбаков. Ремесло Древней Руси. М.—Л., 1948, стр. 300.

³¹ «Древности Российского государства», отд. 1. М., 1849, стр. 47—48, рис. 25—26; Н. В. Покровский. Древняя Софийская ризница. — «Груды XV археологического съезда в Новгороде». М., 1914, стр. 64—65, рис. 27—29.

³² И. А. Шляпкин. Указ. соч., стр. 36—45.

³³ В. Мясоєдов. Фрагменты фресковой росписи Святой Софии Новгородской. — «Записки Отделения русской и славянской археологии Русского Археологического общества», т. X. Пг., 1915, табл. VI.

³⁴ В. Н. Лазарев. Живопись и скульптура Новгорода. — «История русского искусства», т. II. М., 1954, стр. 98.

³⁵ А. Л. Монгайт. Раскопки в Мартирьевской паперти Софийского собора в Новгороде. — КСИИМК, XXIV, 1949, стр. 95, рис. 24.

³⁶ В. Н. Лазарев. Живопись и скульптура Новгорода, табл. 19.

Рождественского собора Антониева монастыря ³⁷, изображения св. Фомы, св. Иакова и др. на фресках Спаса Нередицы ³⁸, изображения святителей на фресках из церкви св. Георгия в Старой Ладоге (80-е годы XII в.) ³⁹. Общность черт прослеживается и в более поздних новгородских памятниках, как, например, в изображении Иоанна Богослова на иконе XIII в. «Иоанн Богослов, св. Георгий и св. Власий» ⁴⁰.

Архангельская ставроетка представляет историческую ценность и художественный интерес. Среди древних новгородских реликвариев это пока единственный известный нам экземпляр, форма которого повторяет наиболее распространенный в Византии вид ставроetek ⁴¹.

В изготовлении ставроетки принимал участие незаурядный мастер-чеканщик XII в. Преодолев традиции византийского канона, он смог создать интересное произведение, трактованное в близкой для него и его художественной среды манере. Мастерское владение инструментом чеканщика позволило автору добиться тонкой проработки деталей, предельной четкости рисунка, большой выразительности в изображении персонажей.

Этот памятник, несомненно, должен занять надлежащее место в ряду выдающихся произведений декоративно-прикладного искусства древнего Новгорода.

³⁷ Там же, табл. 4.

³⁸ Там же, табл. 15.

³⁹ В. Н. Лазарев. Искусство Новгорода, табл. 12.

⁴⁰ Его же. Живопись и скульптура Новгорода, стр. 132.

⁴¹ Из новгородских ставроetek подобной формы известна только одна, хранящаяся в Государственном Историческом музее, но она относится к XV веку. По устному сообщению М. М. Постниковой, в Оружейной Палате ею обнаружена ставроетка XV в., по-видимому, московской работы.